

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Христос: здесь и сейчас	7
Тишина	9
Мое прощение — Его смерть	13
Ищу Иерусалим	15
Бежать ко Христу	29
Не хочу быть правым, хочу быть неправым	39
Возвращайтесь!	45
Часть 2. Молитва — другая форма бытия	57
Вне времени	59
О вере в Бога и в себя	64
Что главное в Иисусовой молитве	77
Пытаться умом найти Христа	79
Часть 3. Почему, Господи?	83
Почему, Господи?	85
Смерть и христиане	96
Часть 4. Сердце — место настоящего ума	101
Встреча	103
Письмо с Афона	104
«И не будь неверующим, но верующим»	112
Где же мой Бог?	115
Часть 5. Заповеди как рецепты счастья	123
О рае и противоречиях	125
О ходящих по водам	132

О турнике, рукопашном бое и духовной мягкости	135
О снисхождении	139
Раб и Встреча	142
О несовершенстве	145
О совершенстве	148
Не теряйте времени!	151
Как Бог дает крылья	158
Когда начинаешь любить Христа бескорыстно	164
Часть 6. Параллельный мир	167
Про задетое тщеславие, или Кого любит Бог	169
Параллельный мир	173
О любви	180
Сон	183
Часть 7. Как стать homo divinus?	
Ответы на разные вопросы	187

ЧАСТЬ 1

ХРИСТОС:

ЗДЕСЬ

И СЕЙЧАС

ТИШИНА

Тихая келия в безлюдном живописном ущелье
Святого Афона.

Я сижу у распахнутого настежь окна.

Ночь, тишина.

Мы читаем вечернюю службу по четкам.

Каждый в своей келии один перед Богом: «Господи
Иисусе Христе, помилуй мя грешнаго. Господи...»

Во весь оконный проем только чернота южной ночи
густо осыпана мириадами звезд.

Я вижу перед собой звезды, но не смотрю на них.

Я не вижу Бога, но я смотрю на Него.

«Господи Иисусе Христе, помилуй мя, Господи...»

Я должен смотреть только на Него.

Я хочу дышать только Им.

Смотреть безвидно, безобразно, но именно на Него.

Ничто не должно вставать между мной и Им.

Ни плохое, ни хорошее.

Ничто не должно отвлекать ум от Него, уводя
в мечту, иллюзию.

«Господи Иисусе Христе...»

Неспешно, по слогам, со вниманием, ничего больше.

Очень просто, смиренно, не мечтательно.

Просто в уме, просто в сердце.

«Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Господи...»

Мимолетный образ, самый безобидный помысел,
и я теряю Его.

«Господи Иисусе Христе...»

Возвращая ум, я стараюсь не напрягаться, не быть жестким.

Мягко, смиренно, не допуская расстройств или сердитости, снова и снова: «Господи Иисусе Христе... Господи...»

Я знаю, что должен в борьбе быть мягким, гибким.
Иначе я преломлюсь.

Как бы плохо ни шло, спокойно и мягко:

«Господи Иисусе Христе...»

Даже со дна ада: «Господи Иисусе Христе...»

Спокойно и смиренно.

Глаза мои открыты, они видят перед собой картину
звездного неба.

Но эти глаза — не весь я.

Глаза ума тоже видят.

Они могут видеть параллельно совсем другое.

Но и это другое я не хочу, потому что и ум — не весь я.

Есть еще что-то, чем я вижу, чувствую в глубине сердца.

Но и там возможна ошибка, иллюзия.

Поэтому я освобождаю свой духовный труд от всего,
с чем связано «я».

И говорю только Ему.

Только перед Ним:

«Господи Иисусе Христе, помилуй мя, Господи...»

Я не теряю только своей личности, не растворяю ее в небытии.

Но это все, что я позволяю оставить.

И это малое (или большое) стоит перед Ним.

Перед Огромным, Великим и в то же время простым.

«Господи Иисусе Христе, Господи...»

Почему я говорю снова и снова одно и то же?

Говорю потому, что это сладко для меня.

Моя душа, как невеста, твердит Имя своего Божественного Жениха.

И само Имя сладко ей.

А за Именем Он Сам.

Это не вопль жертвы перед грозным судьей.

В этом «помилуй мя» не то чтобы «не карай», в этом вопле скорее «не оставляй меня, возлюбленный, потому что без Тебя ад!».

Это «не оставляй» — оно прямо сейчас.

Потому что только Господи, только Иисусе, и я уже с Ним.

И Он со мной.

Только это с Ним мне и нужно.

Ни образа, ни чувства, никакого переживания, даже ответа или внимания со стороны Его.

Мне достаточно только этого малого:

«Господи Иисусе Христе, Господи...»

И все.

Все остальное, как желает Он, как решит Он.

Когда все для Него и ничего своего, тогда легко
внимание.

Тогда чисто: «Господи Иисусе Христе...»

Это чисто не от греха.

Это чисто от всего, что не Он.

Это чисто — оно очень просто.

Потому что Он прост.

«Господи Иисусе Христе... Господи...»

Это должно быть очень просто.

Мне очень хочется говорить это просто, смиренно.

Смирение не высокоумствует, смирение
благоговеет.

Благоговеет пред Ним.

Передо мной огромное южное небо.

Я вижу перед собой миллионы звезд.

Но я не смотрю на них.

Я не вижу Бога,

Но я смотрю на Него.

«Господи Иисусе Христе...

Господи!..»

МОЕ ПРОЩЕНИЕ — ЕГО СМЕРТЬ

Я прошу прощения у Господа и у Богородицы, и Они сразу меня прощают. Все было просто и легко, пока Богородица не объяснила мне суть делания покаяния, и все стало очень серьезно и даже страшно. Они действительно прощают, и очень быстро. Но чтобы прекратилось бытие греха, за это кто-то должен умереть. Я не умираю, я прощен. Но умирает опять Господь. За каждый мой грех Он умирает очередной смертью и дает мне еще одно право на прощение, потом еще и еще...

Как-то в очередной раз я исповедовал свой грех, свое предательство Христа, переживал прощение, и вдруг мой взгляд встретился со взглядом Богородицы. Она была очень печальна. И в этот миг я понял как откровение, что действительно прощен совершенно, но за это прощение заплачена большая цена. Как 2000 лет назад на Голгофе, так и сейчас, здесь, на моей исповеди. Это уже не просто: «Прости», — «Прощаю», — и все. А вот и не все. Все для меня. А для Него? Для Него опять смерть.

И оказывается, все не так просто и легко. Соглашаясь на грех, я даю ему бытие, жизнь, энергию своей души. И он начинает быть, начинает действовать, отравлять все во мне и вокруг. Он становится моим

страданием, моей болезнью. Даже пока я этого не замечаю и не отслеживаю, он меня мучает и убивает. Он — мое со-бытие. Он во мне. И когда я это понимаю, я иду на исповедь к Нему, к моему Спасителю. Потому что вызвать грех к жизни, дать ему бытие — было в моей власти. А вот чтобы умертвить его, убить, нужна смерть, на которую я не готов, не способен.

Тогда Бог берет на Себя мой грех и умирает с ним, прекращая его бытие. Так было там, на Голгофе. Господь взял на Себя нашу человеческую плоть в полной мере с бытием греха, кроме сочувствия греху, взял на Себя такую плоть и умер с нею, убив грех. Страшная жертва. Если понять, что эта жертва не за Себя, а за недостойного человека, за меня. И это не только тогда, 2000 лет назад, это каждый день, каждый мой грех.

Я стоял перед Богородицей, понимая это, и в то же время боялся просить епитимьи, как маленького сострадания, соумирования с Ней, с Ним. Просил только полного прощения, понимая, какова будет цена для Нее и для Него.

Мое неисправление похоже на Гефсиманию, когда Господь страдал за нас до кровавого пота и говорил спящим ученикам: «Ну неужели вы не можете пободрствовать со Мной хотя бы немножко? За ваши же грехи».

Я ничего не делаю, ничего не хочу, не понуждаю себя хоть на малое. За меня все несет Христос. До кровавого пота. А я только говорю Ему: «Прости».

И Он прощает и умирает.

А я пока живу.

ИЩУ ИЕРУСАЛИМ

Иерусалим. Старый город. Солнце вертикально над нашими головами. Жар его лучей проникает в самые укромные тенистые места узких улочек восточного города. Вокруг сотни людей со всего света находятся в разноциклическом движении. Кто-то в задумчивости замедлил шаг, кто-то застыл у лавки с сувенирами, кто-то спешит.

Мы идем по Виа Долороза, не упуская из виду поднятую руку гида, который постоянно что-то говорит, движется и говорит. Иногда создается впечатление, что он говорит сам с собой, так до автоматичности накатана его речь. Навстречу движется другая группа людей, им тоже говорят. Говорят быстро, потому что нужно много сказать, потому что есть что сказать, показать, объяснить. Куда ни повернись — вокруг тебя все пространство наполнено артефактами, историей, событиями. Концентрация истории тебя переполняет, кажется, что давно пройдена мера возможности вместить. Гид продолжает говорить, показывать, объяснять. Рядом другая группа, другой язык. Но все говорят об одном.

Виа Долороза. Здесь проходил Христос, в этом месте Он упал, здесь прикоснулся рукой, вы можете приложиться к этому месту, в этой точке была Его встреча с Матерью. Очень много информации об Иисусе Христе.

О Христе, Которого я люблю, Которым моя душа никогда не может насытиться. Его не может быть

много. Я Его хочу больше и больше. Но здесь и сейчас меня что-то начинает утомлять, разочаровывать, раздражать. Я еще не отдаю себе отчет в том, что происходит, не понимаю природу явления. Но вдруг мне захотелось остановиться, закрыть глаза, плотно зажать ладонями уши. И через некоторую паузу вдруг крикнуть в толпу: «Остановитесь, замолчите! Почему вы все говорите о Нем как о далекой исторической личности? Почему все время употребляются выражения „был, проходил, говорил, исцелял“? Почему вот это кощунственное прошедшее время? Люди, Он не „был“, Он есть здесь и сейчас. Разве вы это не понимаете? Почему вы этого не чувствуете, не переживаете? Как же так вы при Нем говорите о Нем в прошедшем времени? Так нельзя! Не хороните Его второй раз уже после того, как Он воскрес!»

Гефсиманский сад. Храм моления о чаше. Помещение переполнено, идет католическая месса, священник обращается к народу с проповедью о Христе. Он говорит проникновенно, горячо, производя на слушающих людей яркое эмоциональное впечатление. Он говорит о Христе, но опять в этом кощунственном прошедшем времени. Внимание всех приковано к той далекой исторической точке в Гефсиманском саду две тысячи лет назад. Я насытился информацией и в то же время переживаю чувство жажды. Мне достаточно о Нем, я хочу Его Самого.

Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Господи Иисусе Христе... Господи...